

КАПИТАН ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ИВАН ОВЧИННИКОВ

На основе впервые вводимых в научный оборот материалов архивного уголовного дела предлагается рассмотрение деятельности одного из сотрудников органов госбезопасности, возглавлявшего Томский городской отдел НКВД в период «большого террора», И. В. Овчинникова.

Ключевые слова: политические репрессии, сотрудники НКВД, Сибирь, Томск.

Большевистское руководство СССР, борясь с потенциальными противниками из числа «бывших», представителей оппонировавших большевикам политических партий и других неугодных режиму лиц, создало мощный аппарат, единственной целью которого была защита и сохранение установленного большевиками режима путем выявления и уничтожения всякого инакомыслия и его носителей. Жесточайшая система отбора и идеологическая обработка позволили сформировать касту людей, слепо веривших в правоту и востребованность своей деятельности во благо всего советского народа, готовых в силу своего служебного положения беспрекословно выполнять указания и волю большевистского руководства страны и лично И. Сталина.

При изучении политических репрессий в Советском Союзе у историков, правоведов и иных специалистов, занимавшихся этой темой, всегда возникал вопрос – почему происшедшее в те годы стало возможным и кто те люди, на практике осуществлявшие беззаконие и произвол. В настоящее время опубликовано значительное число работ, посвященных отдельным руководителям органов госбезопасности, преимущественно довоенного периода, но в абсолютном большинстве своем эти публикации касались судеб высшего руководящего состава – Г. Ягоды, Н. Ежова, Л. Берии и некоторых других, чьи имена олицетворялись с проводившимися в стране репрессиями. Следует отметить работы Б. В. Соколова [1], Е. Прудниковой [2], С. Берия [3], А. Топтыгина [4], А. Ф. Хацкевича [5] и многих других авторов, работавших в этом направлении. Среди сибирских историков успешно исследует на протяжении многих лет кадровый состав органов ВЧК-НКВД Сибири А. Г. Тепляков, защитивший в 2011 г. кандидатскую диссертацию по этой теме [6]. Однако имена тех, кто «вершил судьбы» людей на местах, чаще всего лишь упоминаются в числе прочих «злодеев и палачей» либо становятся известными из отдельных материалов, выявленных в ходе работы по реабилитации. Такие сведения чаще всего разрозненны и неполны. Получение более полных и достоверных данных в отношении этих лиц сегодня невозможно по причине отсутствия доступа к их личным делам, а в отдель-

ных случаях и уголовным (часть из них была осуждена), в связи с отсутствием события (факта), связанного с их реабилитацией.

Целью данной работы является показ деятельности сотрудников органов НКВД СССР в период «большого террора» на примере начальника Томского горотдела НКВД И. В. Овчинникова.

В г. Томске И. В. Овчинникова называли местным «Берией». Ставший одним из организаторов массовых репрессий на территории г. Томска в 1937–1938 гг. Овчинников реабилитации не подлежит, и по этой причине его 8-томное уголовное дело практически недоступно для исследователей. Между тем отдельные факты и выдержки из этого дела позволяют более объемно представить обстановку, царившую в стране, и работу репрессивной машины НКВД. Эти документы во многом объясняют мотивы, двигавшие сотрудниками могущественного ведомства в реализации репрессивной политики большевистского руководства страны.

Отдельные факты биографии и послужного списка И. Овчинникова содержатся в монографии «Репрессии. Как это было...» [7] и в очерках истории томских органов госбезопасности «На страже» [8]. В данной статье предпринята попытка более глубокого и полного понимания мотивов и действий, которые двигали этим руководителем НКВД, его коллегами и подчиненными при организации и реализации на практике политики массовых репрессий против собственного народа.

Овчинников Иван Васильевич родился 31 октября 1898 г. в дер. Леонтьево Варнавинского уезда Костромской губернии в семье крестьянина-середняка. До февраля 1917 г. жил в семье отца, окончил начальное, затем двухклассное училище и второклассную (так в анкете. – В. У.) учительскую школу. С 1917 г. служил рядовым в 1-м Гусарском полку. С 1918 г. в Красной Армии, участвовал в боях на южном и польском фронтах. В 1921 г. вступил в партию большевиков. После демобилизации в 1921 г. работал волостным, районным и уездным продовольственным инспектором в Костромской, а затем в Нижегородской губерниях, заведующим заготконторой Варнавинского уездного продовольственного комитета. В 1923 г. откомандирован на продовольственную работу в распоряжение Сиббюро

ЦК РКП(б) и в декабре был направлен на работу в Алтайский губотдел ОГПУ. До 1933 г. служил на административных, оперативных и руководящих должностях в губотделе, в Рубцовском и Кузнецком окротделах ОГПУ, в Полномочном представительстве ОГПУ по Сибкраю. В 1933–1936 гг. – начальник Прокопьевского горотделения (горотдела) ОГПУ-НКВД. В ноябре 1936 г. был переведен в Томск, где прослужил до мая 1938 г. в должности начальника городского отдела НКВД. До ареста в июле 1939 г. – начальник Управления дорожного строительства Главного Управления строительства Дальнего Севера НКВД СССР [8, с. 110–116].

Уже в первых характеристиках Овчинникова отмечалась «склонность к росту», как чекиста и партийца, а в 1928 г. были отмечены его вполне сформировавшиеся оперативные и административные качества.

В 1935 г. «за особо выдающиеся заслуги» в борьбе с контрреволюцией И. В. Овчинников приказом НКВД СССР был награжден знаком «Почетный сотрудник». Названные «заслуги» были отмечены и в его оперативно-служебной характеристике в ноябре 1936 г.: «...Показал себя как чекист, прекрасно знающий агентурно- (“комбинационную” – зачеркнуто. – В. У.) работу. За время своей работы в Прокопьевске вскрыл и лично руководил агентурной разработкой целого ряда к-р формирований, созданных иностранными (немецкая, японская, польская) разведками. К числу этих групп относятся: диверсионная группа немецкого разведчика Бартольда на шахте “Коксовой” (осуждена); диверсионная группа, созданная немецким консулом Гросскопф на шахте “Коксовая” (группа Шнейдера – осуждена); повстанческо-фашистская организация немцев-спецпереселенцев, созданная немецким консулом Гросскопф в 1934 г. (осуждены); японская резидентура, созданная японским разведчиком Грунько (осуждена в 1935 г.). ...В 1936 году Овчинниковым вскрыта и лично велась в агентуре разработка “П-2” (“Рецидив”), на основе которой была вскрыта и ликвидирована немецкая диверсионно-шпионская организация в Кузбассе (фашистская часть троцкистско-диверсионной организации, возглавляемой Сибирским троцкистским центром – дело Пятакова, Муралова, Шестова, Строилова и др.). Тов. Овчинниковым в 1936 году лично была проведена разработка “Запад-Измена”, по которой вскрыта немецкая национал-социалистическая организация, проводившая формирование фашистских штурмовых отрядов (дело в стадии ликвидации)... (аресту были подвергнуты 38 человек. – В. У.)» [8, с. 111].

Томский период его службы также характеризовался новыми «достижениями» на ниве борьбы с «врагами народа». «В 1937 году под руководством

и личном активном участии т. Овчинникова вскрыта в Томске крупная право-троцкистская к-р организация, вскрыто и изъято по Томскому оперсектору, созданному для руководства массовой оперативной операцией, ряд крупных организаций и филиалов “РОВС”, арестовано 2 257 участников “РОВС”, вскрыты ряд организаций и групп польской разведки, арестовано 495 поляков, ликвидированы целая серия японских резидентур и организаций, арестовано харбинцев 183 чел. В операции по кулакам изъято и осуждено 1210 к-р одиночек и 449 чел. бандитствующего состава, уголовного и разного рода а/с (антисоветского. – В. У.) элемента. В работе проявляет исключительную настойчивость и инициативу. Обладает хорошими волевыми качествами» [8, с. 111–112].

Подсчеты, проведенные по базе данных репрессированных жителей области «Память», созданной автором, показывают, что в бытность Овчинникова начальником Томского горотдела НКВД, за период с декабря 1936 г. по конец апреля 1938 г. (в современных границах Томской области) были арестованы более 12.2 тыс. человек, в том числе 4.4 тыс. жителей Томска. Из них к ВМН – расстрелу – были приговорены более 9 600 (78.7 %) и 3 850 (87.5 %) человек соответственно, приговоры приведены в исполнение. В целом в Томске аресту и расстрелу были подвергнуты 3 и 2.66 % человек соответственно от общего числа 145 тыс. жителей города (данные на 1939 г.). С учетом того, что арестам преимущественно подвергалась наиболее дееспособная мужская часть населения, то процент репрессированных в этой части несомненно более высок. Таким образом, жестокость была основным движущим фактором в работе сотрудников НКВД. Даже при наличии «ценных» указаний вышестоящих органов подобные результаты не могли быть достигнуты без местной инициативы.

О готовности Овчинникова бороться с «врагами» находим подтверждение в архивных документах. При выдвижении на VI городской партийной конференции кандидатов на краевую партийную конференцию в 1937 г. Овчинников выступил с самоотводом, суть которого он объяснил следующим образом: «Я прошу снять мою кандидатуру из списка, потому что я должен работать очень крепко в ближайшее время; я имею очень серьезное поручение от начальника управления и эта декада является декадой по разгрому контрреволюционной организации» [9, л. 137]. Его успехи в борьбе с «контрреволюцией» в 1937 г. были отмечены присвоением специального звания «капитан госбезопасности» и представлением к награждению именованным боевым оружием. Отметим, что целый ряд равных ему по должности сотрудников НКВД Сибири были представлены к награждению орденами СССР.

Оправдание своим действиям И. В. Овчинников находил в самоубеждении, что Томск – место сосредоточения всех «врагов» государства. В своем письме в следственную часть УНКВД он писал: «Томск – это ворота в Нарым, через которые проходила вся ссылка в Нарым и ее обратное движение, оставляя на связи явочные квартиры и проч. ... Это город административной и политической ссылки эсеров, меньшевиков, б(бывших. – В. У.)/людей, троцкистов, перебежчиков, начиная с первых лет Советской власти и до 1937 г. Здесь... были в ссылке два члена ЦК эсеров, другие крупные эсеры и меньшевики; здесь жили несколько сот человек б/людей, элементы в порядке очистки ДВК; здесь сохранились от Колчака масса б/белых офицеров; здесь сохранилась вся организация черносотенцев, громившая в 1905 г. рабочую демонстрацию... здесь сохранилась вся старая буржуазия во главе с двумя миллионерами; (далее он упоминал бежавших с Нарыма кулаков, исключенных из ВКП (б), отбывавших ссылку представителей партий “Дашнакцутюн” и грузинских меньшевиков, наличие действовавшей сети религиозных и сектантских объединений, сосредоточение троцкистов, преимущественно в вузах города, а также массы польских, эстонских и латвийских перебежчиков и т. п. – В. У.). Здесь, словом был, жил и действовал такой огромный конгломерат к-р, что прямо меня брал некоторый ужас... Я самым искренним образом упрекал себя в оперативной и политической отсталости и мои сомнения в правильность такой операции улетучивались из головы, как дым. ... Но перед законом... я не считаю себя ответственным, ибо была другая обстановка – бытие определяет сознание и нет того закона, на страже которого стояла прокуратура, освещала всю эту операцию, которая проходила на глазах у всех. “Лес рубят, щепки летят”. В Томске рубили вековой лес к-р и в такой спешке не без ошибок, не без щепок...» [10, т. 7, л. 36–37, 44–45].

Каким образом Овчинникову удавалось добиваться «выдающихся» результатов в борьбе с «врагами», свидетельствует направленное на имя И. Сталина письмо арестованного И. Ф. Радько (Радько Иван Фёдорович, 1903 г. р., ур. Черниговской губернии, проживал в Новосибирске, инспектор школ Томской железной дороги. Арестован в декабре 1937 г. Освобожден из-под стражи в августе 1939 г. в связи с прекращением дела за недостаточностью обвинительных материалов [11, т. 3, с. 17]) из ДПЗ УНКВД по Новосибирской области 18 июня 1939 г., в котором тот указывал, что «начальник горотдела НКВД Овчинников и его заместитель Пучкин в течение двух месяцев подвергли меня мучительным пыткам (стояние на ногах по 3 суток без перерыва, 15 дней карцера за недачу

показаний, били по голове и животу) и вынудили подписать чудовищную клевету на себя и других. В сочиненных Овчинниковым и Пучкиным “протоколах допроса” указано, что я состоял в правотроцкистской к-р организации, признавал террор как метод борьбы с партией, вредил, доказывал невозможность построения социализма в одной стране и сам в прошлом, якобы, имел троцкистские колебания. ... Я прошу Вас, Иосиф Виссарионович, разрешить дать подробные показания по моему делу в ЦК ВКП(б), ускорить расследование моего дела, так как уже 19-й месяц безвинно сижу в тюрьме. Привлечь к ответственности следователей Овчинникова и Пучкина, которые высокое доверие партии использовали для преступных действий» [8, с. 112]. В письме приводились многочисленные факты фальсификации протоколов допросов и содржавшихся в них сведений.

Подобное свидетельство характеризует Овчинникова с негативной стороны, хотя, если верить служебным документам, он постоянно интересовался жизнью своих подчиненных, организацией их быта и отдыха. За успешную общественную работу в парторганизации г. Прокопьевска был занесен в Книгу почетных граждан города. Был любящим отцом двух дочерей, которым, будучи арестованным, посвящал трогательные стихи.

В мае 1938 г. Овчинников был освобожден от оперативной работы и назначен на работу в систему «Дальстроя» НКВД. Об этом изменении в судьбе он так рассказал на допросе 20 августа 1939 г.: «Работая в Томском горотделе НКВД, мне стало известно о том, что по прежней моей работе в Прокопьевске, где я также был начальником городского отдела НКВД, на меня поступает целый ряд компрометирующих материалов. Я об этом написал рапорт начальнику УНКВД по Новосибирской области, а также сообщил об этом и в отдел кадров НКВД, одновременно просил разобраться с поступившим на меня материалом и освободить от должности нач[альника] Томского горотдела НКВД... Кроме того, мне стало известно из письма бывшего агента Прокопьевского горотдела НКВД “Р.”, что он был арестован и усиленно допрашивался ... Котрягиным и Печёнкиным (сотрудниками горотдела. – В. У.)... что он... польский шпион и специально втянут в работу органов НКВД врагами народа... Овчинниковым и... Ерофеевым» [10, т. 2, л. 451–452]. Однако «тучи» над Овчинниковым стали сгущаться еще в 1936 г., когда в июне ему был объявлен выговор «за нарушение революционной законности по следственному делу» [8, с. 111]. Правда, в августе выговор был уже снят.

Материалами, послужившими отправной точкой для уголовного преследования И. Овчинникова в последующем, послужил рапорт оперуполномо-

ченного контрразведывательного отдела Нарымского окротадела НКВД сержанта ГБ (госбезопасности. – В. У.) М. А. Белавина, в котором тот сообщал, что Овчинников, в бытность начальником Прокопьевского горотдела НКВД, всячески покрывал троцкистов. Белавин указывал, что изложенные им факты «требуют серьезной проверки и разработки, так как они являются фактами идеологической связи с... бандой, т. е. троцкистами». Но одновременно с этим он подчеркивал, что написание им рапорта никак не связано с «элементом склонности с лейтенантом Овчинниковым», несмотря на то, что «с 1934 г. являюсь мишенью для необоснованных нападков» со стороны последнего. Своим рапортом Белавин «убивал» сразу несколько «зайцев». Во-первых, сигнализировал о возможном «враге» в рядах чекистов, тем самым проявлял бдительность; во-вторых, «разоблачил» целую группу других «врагов», пусть уже и осужденных; в-третьих, просто-напросто свел личные счеты со своим личным врагом, тем более что никого не интересовали их служебные отношения и обоснованность предъявляемых Овчинниковым к Белавину претензий. Важны были «факты» враждебных проявлений, пусть и сотрудником НКВД. Все это сыграет свою роль в момент, когда потребуется избавиться от «врагов», якобы проникших в органы НКВД и занимавшихся там вредительской деятельностью.

Но в тот момент он был нужен руководству УНКВД и по этой причине продолжал исполнять обязанности. Однако разработка его уже была начата. Особоуполномоченный УНКВД ст. лейтенант ГБ Иванов собирал все материалы, компрометиовавшие Овчинникова. Первая справка о наличии таких материалов на капитана госбезопасности И. В. Овчинникова была зарегистрирована Ивановым 2 февраля 1938 г. и касалась его работы в Прокопьевске [10, т. 1, л. 41–45.]. Подчиненный Овчинникова сержант ГБ Кожевников 28 марта 1938 г. представил рапорт на имя руководства УНКВД об «антипартийных и нечекистских» действиях Овчинникова, суть которых выражалась в либеральном отношении начальника горотдела к сотрудникам, имевшим компрометирующие личные связи, а также в слабой воспитательной работе в коллективе. Буквально на следующий день очередной рапорт поступил Иванову от начальника 4-го отделения Томского горотдела НКВД и ближайшего помощника Овчинникова мл. лейтенанта ГБ И. Н. Пучкина, в котором среди прочего отмечалось, что «в горотделе НКВД функционирует черная касса, кассиром является б/секретарь горотдела Буковец, деньги в эту кассу поступают от операции по приведению приговоров в исполнение, так как в это время у осужденных обнаруживаются запрятанные большие суммы при себе». В существо-

вании и функционировании «черной кассы» был обвинен Овчинников [8, с. 115].

В создавшейся ситуации Овчинников выбрал единственный, по его мнению, путь – путь еще большей активизации работы по «выкорчевыванию» всевозможных врагов государства и контрреволюционеров. «В самом начале мне казалось, что операция незаконна, – писал Овчинников в своем письме в следственную часть УНКВД, – но после ссылки Миронова (начальника УНКВД по ЗСК. – В. У.) на решение ЦК, я гнал эту мысль как антипартийную, тем более, что как я узнал, все указания по операции исходили от Ежова, секретаря ЦК ВКП(б), пред[седателя] КПК ВКП (б). Операцию благословил Эйхе, кандидат в члены политбюро... У меня была мысль... уйти от операции – сделать самострел – ранить себя, как бы нечаянно, и лечь в больницу, но я эту мысль гнал из головы, ибо считал это дезертирством с поля боя с к-р. Но я горячий по натуре человек, фанатично преданный делу, и в авангарде всегда привык быть, в передовой цепи, в гуще боя. Я не имел привычки волынить в работе, я всегда отдаю всего себя делу и тут мне казалось, что мои мысли о самоустранении от операции будут прямым двурушничеством. Поэтому я эту мысль тем решительней гнал из головы, чем настойчивей Мальцев (зам. начальника УНКВД. – В. У.) внушал нам, что “партия и правительство дали нам срок, в который мы должны коротким ударом очистить страну от врагов, и что, если это не будет сделано, то вы окажетесь сами врагами”. Ни я, ни аппарат никто, разумеется не хотели быть врагами партии и Советской власти и делали то, что приказывали...» [10, т. 7, л. 35].

Но не только самоубеждение было движущим фактором действий и поступков Овчинникова. На протяжении многих лет партийное руководство страны своими решениями и указаниями убеждало население страны в наличии огромной массы врагов, ждавших удобного момента для удара «в спину» СССР, строившему первое в мире социалистическое государство. Им вторило руководство НКВД СССР. В своих показаниях Овчинников отмечал, что систематически поступающие в местные органы НКВД циркуляры, обзоры и директивы Центра были буквально напичканы информацией о разоблачении по всей стране шпионских резидентур, террористических, диверсионных организаций и центров, об активизации деятельности эсеров, меньшевиков, троцкистов, зиновьевцев, бухаринцев, создании ими нелегальных организационных центров, блокировании с остатками контрреволюции, установлении связи с границей [10, т. 8, л. 69–70].

Отъезд Овчинникова на Дальний Восток, возможно, только усугубил его положение, так как по-

явилась возможность в условиях развернувшейся борьбы с «врагами», якобы проникшими в органы НКВД, переложить вину или часть ее на человека, оторвавшегося от «коллектива». Косвенным подтверждением этого предположения стали последующие события. Так, 29 декабря 1938 г. по команде начальника УНКВД по Новосибирской области И. А. Мальцева в Томск была направлена «комиссия» во главе с начальником 4-го отдела УГБ УНКВД К. К. Пастаноговым. Прибывшие в Томск сотрудники УНКВД, которых трудно было заподозрить в «неосведомленности», вдруг выявили факты многочисленных нарушений законности, допущенных Овчинниковым и его подчиненными.

9 января 1939 г. Пастаногов доложил о результатах проверки Мальцеву, которым было принято решение об обобщении всех имевшихся на И. Овчинникова материалов и привлечении его к ответственности. В докладной записке были указаны следующие «факты грубейшего нарушения революционной законности» – необоснованность арестов и извращения в следственной работе, были приведены конкретные примеры [10, т. 1, л. 32–39]. Из-под стражи были освобождены 197 человек, длительное время находившихся под следствием. Правда, названная цифра, возможно, завышена с целью усиления информации о преступных действиях Овчинникова. Так, в базе данных репрессированных жителей Томской области содержится информация об освобождении из-под стражи за весь 1939 г. только 143 человек [12, с. 245]. Более того, за почти четвертьвековой период работы по реабилитации в Томской области не был «потерян» ни один человек. Подтверждение наличия усиления информации находим и в письме И. Овчинникова в следственную часть УНКВД. Его доводы можно признать убедительными, поскольку ему не было никакого смысла уменьшать «показатели» своей бывшей деятельности. Овчинников писал, что освобождение 57 человек арестованных произошло в декабре 1938 г. и даже в 1939 г. Между тем он уже не работал в горотделе НКВД с 1 мая 1938 г. Один из руководителей УНКВД А. С. Ровинский, осуществлявший в Томске в июне 1938 г. проверку всех арестованных, «нашел, что их надо держать и вести следствие, т. е. признал арест правильным» [10, т. 8, л. 39]. По словам Овчинникова, после его ареста оставалось не 57, а всего 20–30 человек по «правым» и часть из них уже была осуждена судом Военной Коллегии. Освобождение же остальных позднее было признано неправильным, так как решение принимал «враг народа» Мальцев. Что касается ареста 141-2 человек (так в тексте, правильно 141–142 человека – В. У.), то это были аресты не по Томску, а по всему оперсектору, а за аресты и дела в районах отвечали начальник райотделения и

прокурор. Более того, арест был санкционирован прокурором, а Овчинников лишь утвердил арест. «Если сейчас подходят к тем делам строго по УПК, то почему... следователи по этим делам поставлены в сторону от ответственности? ...Я должен отвечать вместе со следователями и прокурором или же совсем не отвечать...» [10, т. 8, л. 40–41].

Несмотря на то, что руководство УНКВД всеми своими действиями показывало свою непричастность к «совершенному» Овчинниковым преступлению, немногим позднее Мальцев и Пастаногов были также привлечены к ответственности.

В начавшейся очередной кампании по борьбе с «перегибами и искривлениями» политики партии, организованной большевистским руководством страны, Овчинников был «признан» «отработанным материалом», подлежащим наказанию за совершенные преступления. В ходе следствия по его уголовному делу было установлено, что все совершенное им в период работы в органах НКВД было результатом прямого исполнения приказов и указаний, поступавших из центрального аппарата НКВД, возглавлявшегося одним из руководителей ВКП(б) страны – Н. Ежовым, и органов НКВД регионального уровня. Но для работников следствия это обстоятельство никакой роли не играло, тем более что разоблачителями Овчинникова, как преступника, стали руководители, установки которых он выполнял.

Следствие по делу Овчинникова завершилось к ноябрю 1939 г. и было передано в Военный трибунал войск НКВД Московского округа, но произошло непредвиденное для следствия – Овчинников в ходе судебного заседания от всех показаний отказался. В этот период репрессивная машина периодически стала «давать сбой», так как ранее такие отказы просто не брались в расчет и запланированный приговор все равно выносился. В данном же случае было принято решение о передаче дела в Новосибирск – по месту совершения преступления. 26 марта 1940 г. дело принял к своему производству временно исполнявший должность начальника следственной части УНКВД по Новосибирской области Панчурин. В ходе следствия, как и ранее, Овчинников активно защищался, подчеркивая, что он был простым исполнителем приказов и указаний вышестоящих начальников – Миронова, Горбача, Мальцева и некоторых других. Показания большинства свидетелей он также не признавал. Им было заявлено более сорока обоснованных ходатайств [8, с. 116], но следствие продолжало разворачиваться с обвинительным уклоном по отношению к нему.

К очередному «суду» он был уже психологически надломлен. «В тюрьме со мной случилось черт знает что. Впечатления о следственной обстановке

в Москве, в особенности в Лефортово: страшные по существу рассказы арестованных о методах следствия; анализ своих собственных поступков, действий и работы; мысли об этой, принявшей при Ежове такие грандиозные умопомрачительные размеры операции, арестов по всему СССР; ненависть и злоба по отношению к себе, к судьбе за то, что в силу сложившейся обстановки и внушений сверху принимал участие в этой операции не оставляло меня ни на минуту, толкала от одной глупости к другой и довела до состояния, близкого к помешательству.

Обвинительный уклон следствия, предвзятые показания свидетелей усилили хаос в голове и довели состояние обреченности до предела. ... Да, безумная обстановка 1937 года, безумное проклятое время, тот психоз, которым были охвачены все мы, лишили разума и обрекли с неизбежностью рока на действия, которые возведены сейчас в преступление...

Да, я совершил в прошлом действия и поступки, которые при совершении их я по той обстановке не считал преступными, ибо никакой другой цели, как польза дела и точное выполнение директив УНКВД я не имел. Да, во всех этих поступках, которые возведены в ранг преступления, виновен не столько я, сколько та объективная обстановка работы и поведение других работников, указания и директивы УНКВД, которые я не мог не выполнить. Тогда была другая политическая обстановка, другой политический разум и вытекающая из него оперативная сознательность. Сейчас же «другие времена другие песни» [10, т. 7, л. 25–26].

По приговору Военного трибунала войск НКВД Западно-Сибирского округа от 7 декабря 1940 г. Овчинников был приговорен к 10 годам лишения свободы с поражением в правах на три года и лишению специального звания «капитан госбезопасности». Неудовлетворенный решением трибунала, с целью своего оправдания Овчинников обратился с кассационной жалобой в судебные инстанции и с уже названным письмом – в следственную часть УНКВД, написанным на сотнях заготовок для скручивания самокруток, размером не более 6 х 6 см. Расшифровка его записок машинистками выпилась в документ объемом более 25 машинописных листов без полей и интервалов.

«Я не причисляю себя к числу “механических людей”, я так давно приучил себя и свой ум рассматривать явления чекистской работы, как и вообще все другие явления, с общегосударственной, с общепартийной точки зрения и интересов... Я успокаивал себя тем, что в Москве видней, значит так нужно, а не иначе, и, получив приказ: “В атаку на врага”, – был подхвачен стихией и несся вместе с другими, как несутся командиры и бой-

цы в последней решительной атаке, не сознавая точно, куда, почему и зачем они несутся. Как и в атаке, сознание мне говорило, что в этот момент отступить или замедлять движение – измена и меня свои же пристрелят. Да, суровое, трагическое было время...» [10, т. 7, л. 45].

Овчинников был сильным и волевым человеком. Его сокамерники подчинялись ему беспрекословно, и любое его решение исполнялось незамедлительно. Стоило ему заявить администрации тюрьмы о том, что камера объявляет голодовку, и никто в камере не взял хлеб. Весь жизненный путь И. Овчинникова свидетельствовал о том, что он был грамотным и умелым руководителем. Если бы судьба дала ему возможность трудиться на каком-либо другом поприще, то он, несомненно, принес бы немалую пользу обществу, но он стал «винтиком» в репрессивной машине советского государства, который, как только это потребовалось тому же государству, был заменен, как отработавший свой ресурс.

«...Операция меня искалечила и я стал противен сам себе, я стал таким по вине УНКВД того времени. ...Страшно хочется жить и работать, работать во славу нашей великой партии и Родины. Жизнь становится с каждым днем лучше, прекраснее, открывая широчайшие горизонты и для ума и для полезного мускульного труда. Не хочется умирать в 42 года, но надо умереть для общей пользы и в собственное наказание за свои ошибки в работе и поведении, обусловленные обстановкой», – обреченно писал И. В. Овчинников [10, т. 7, л. 45, 48].

24 марта 1941 г. Военный трибунал вынес приговор – Овчинникова И. В. лишить специального звания «капитан государственной безопасности» и подвергнуть высшей мере уголовного наказания – расстрелу. 19 мая 1941 г. приговор был приведен в исполнение [10, т. 8, л. 77–79, 99]. Однако обращает на себя внимание один факт – Иван Овчинников не был лишен высшей чекистской награды – знака «Почетный работник». Что это – недогляд системы или, пусть косвенная, но констатация признания его заслуг в борьбе с контрреволюцией?

Таких отработанных «винтиков» в системе НКВД оказалось достаточно много. Только с сентября по декабрь 1938 г. было арестовано 140 сотрудников из центрального аппарата НКВД и 192 – с периферии. В 1939 г. аресту подверглись еще 1960 человек оперативного состава и других подразделений НКВД. В процессе ликвидации вскрытого в НКВД «заговора» были арестованы более трех тысяч человек [13, с. 254–259].

И. В. Овчинников реабилитации не подлежит. Таких, как он, было много. Будучи «политически подкованными», они были готовы выполнять волю и указания тех, кто, казалось бы, вел их к «светло-

му будущему», полагая при этом, что действительно есть враги, мешавшие их движению вперед. Колебавшихся и сомневавшихся система незамедлительно определяла в ряды «врагов народа». Выйдя из «низов» и будучи облеченными огромной властью, многие были готовы на все, только чтобы сохранить свое положение. Одновременно с этим срабатывал принцип самосохранения, когда примеры «врагов народа» заставляли сотрудников НКВД всевозможными способами доказывать свою преданность и готовность служения режиму, чтобы самим не попасть в число «врагов», в жернова репрессивной машины.

В этих условиях самым простым объяснением своих незаконных действий была отсылка на служебную дисциплину и неукоснительное исполнение приказов вышестоящего руководства. Другой способ отвести от себя ответственность – это переложить вину на кого-либо, как это произошло в случае с И. Овчинниковым, где ярко проявились характеры его бывших сослуживцев, их стремление выжить любой ценой. Но и это не давало гарантии спасения, так как система периодически освобождалась от отработавших свой ресурс «винтиков», пытаясь заметать следы преступлений большевистского режима.

Список источников и литературы

1. Соколов Б. В. Наркомы террора. Они творили историю кровью. М.: Яуза: Эксмо, 2005. 336 с.
2. Прудникова Е. Берия. Последний рыцарь Сталина. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008. 414 с.
3. Берия С. Мой отец – Лаврентий Берия. М.: Современник, 1994. 431 с.
4. Топтыгин А. Лаврентий Берия. Неизвестный маршал госбезопасности. М.: Яуза: Эксмо, 2005. 480 с.
5. Хацкевич А. Ф. Солдат великих боев: Жизнь и деятельность Ф. Э. Дзержинского. Минск: Наука и техника, 1982. 249 с.
6. Тепляков А. Г. Органы ОГПУ-НКВД-НКГБ в Сибири: структура и кадры (1929–1941 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2011. 190 с.
7. Уйманов В. Н. Репрессии. Как это было... (Западная Сибирь в конце 20-х – начале 50-х годов). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995. 336 с.
8. Голоскоков И. В., Уйманов В. Н. На страже безопасности Государства Российского: очерки истории томских органов госбезопасности в биографиях их начальников. Томск, 2008. 218 с.
9. ЦДНИ ТО. Ф. 80. Оп. 1. Д. 742.
10. Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. 5621.
11. Боль людская. Книга Памяти томичей, репрессированных в 30–40-е и начале 50-х годов: в 5 т. Томск: Управление ФСБ РФ по Томской области, 1991–1999.
12. Уйманов В. Н. Пенитенциарная система Западной Сибири (1920–1941 гг.): моногр. Томск, 2011. 330 с.
13. Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. М., 2010. 432 с.

Уйманов В. Н., кандидат исторических наук, зам. начальника.

Главное управление МЧС России по Томской области.

Ул. Вершинина, 48/1, Томск, Россия, 634034.

E-mail: uimim@mail.ru

Материал поступил в редакцию 17.04.2012.

V. N. Uymanov

IVAN OVCHINNIKOV – CAPTAIN OF STATE SECURITY

Based of the first introduced into scientific use of archival materials of the criminal case the article considers the activity of the member of the security authorities, the head of the NKVD city department of Tomsk during the “Great Terror”, I. V. Ovchinnikov.

Key words: *political repression, NKVD, Siberia, Tomsk.*

General Directorate of Ministry of Emergency Situations of Russia in Tomsk region.

Ul. Vershinina, 48/1, Tomsk, Russia, 634034.